

RU

«Личное – это политическое»:
основные положения феминистической методологии
анализа социальных процессов

Бацанова С. В.

Аннотация. Целью статьи является определение особенностей феминистической методологии как одной из концепций исследования социальных процессов. Отталкиваясь от классической цитаты К. Ханиш «Личное – это политическое», автор выстраивает логику создания принципиально иной методологии исследования, отказывающейся от получения абсолютного, достоверного и универсального знания. В статье анализируются ее основные отличия от позитивистской методологии, особенности применения качественных и количественных методов исследования. Научная новизна заключается в комплексном анализе философско-методологических особенностей феминистического подхода к анализу социальных явлений. В результате определено, что для феминистической методологии характерно рассмотрение проблемы не только от частного к общему, но и от индивидуальной рефлексии к политической.

EN

“The Personal Is Political”:
Key Provisions of the Feminist Methodology
for Analysing Social Processes

Batsanova S. V.

Abstract. The paper aims to identify features of the feminist methodology as one of the concepts of studying social processes. Starting from the classic quotation “The personal is political” by C. Hanisch, the author presents the logic of creating a fundamentally different research methodology that refuses to obtain absolute, reliable and universal knowledge. The paper examines its main differences from the positivist methodology, the features of using qualitative and quantitative research methods. Scientific novelty lies in carrying out a comprehensive analysis of the philosophical and methodological features of the feminist approach to analysing social phenomena. As a result, it has been determined that the consideration of an issue proceeding not only from the particular to the general but also from the individual reflection to the political one is peculiar to the feminist methodology.

Введение

В современном мире разговор о феминизме все еще вызывает довольно бурные и противоречивые реакции, а существование феминистической науки ставится под вопрос. Статус феминистической науки и гендерных исследований в России все еще находится в зоне, близкой к маргинальной. Изыскания в области социальных наук, демографии, культуры, истории, философии, посвященные гендерной проблематике, вынуждены балансировать между позитивистской методологией, базирующейся на требованиях поиска абсолютной объективной истины и необходимо использовать феминистические нормы описания и анализа явлений и процессов, акцентирующих свое внимание на совсем иных проблемах.

В науке особый женский взгляд допускается до тех пор, пока он соответствует классическим принципам исследования. Такая ситуация обусловлена, на наш взгляд, двумя исключительно академическими факторами: отсутствием перевода на русский язык классических феминистических текстов, и, как следствие, недостаточным введением их в научный обиход.

Российское научное сообщество имеет довольно расплывчатые представления о феминизме, феминистической науке и гендерных исследованиях. Формирование феминистической методологии происходило в западной

науке во второй половине XX века, и к тому времени, когда она стала частью академического дискурса, отечественная наука с ней только начала знакомиться. Поэтому анализ феминистической методологии, ее особенностей, перевод и обсуждение работ представляются нам обязательным условием повышения статуса феминистической науки и гендерных исследований в России.

Основная часть

Логичным будет начать разговор о феминистической методологии в терминах позитивистской традиции, чтобы показать их сходства и отличия в терминологии, принятой в академической науке и понятной всем людям, получившим высшее образование.

Рождение феминистической науки и гендерных исследований – это закономерный этап развития феминизма. Для академической среды разговор о женских правах, взглядах и проблемах лежал в области публицистики, а не науки. Это была общественно-политическая, а не научная проблема. Немногие работы, затрагивавшие женский вопрос, видели в нем следствие экономического или политического несправедливости, но при этом не давали слова самим женщинам, исходя из идеи универсальности человеческой природы.

Такое понимание женского участия в жизни общества было нормой довольно долго, до тех пор, пока С. де Бовуар не обратила внимание на отсутствие женщины в культуре, женского понимания событий и явлений, происходящих в мире. «Второй пол» [1] корнями уходит в бурную общественную публицистику, развернувшуюся в процессе борьбы за избирательные, образовательные и трудовые права женщин. Личный и групповой опыт стал основой для осознания своего положения и своей уникальности. Дело в том, что общий тон такой риторики был задан вне академической традиции, получение женщинами доступа к высшему образованию и преподаванию в университетах – одно из важнейших достижений борьбы за права.

Во «Втором поле» экзистенциальная методология ювелирно сочетается с начавшейся складываться феминистической методологией. Это позволило ввести в научную дискуссию разговор об индивидуальном и коллективном женском опыте, общественных ограничениях и культурных традициях. С. де Бовуар четко и емко определила отправную точку феминистической критики науки и методологии: «Изображение мира, как и сам мир, – это дело мужчин; они описывают его со своей точки зрения, которую они путают с абсолютной истиной» [Там же, с. 184]. Несмотря на то, что направление исследования было задано еще в 1939 году, развитие оно получило только в 60-х годах.

Мы не ставим перед собой задачу дать в этой статье экскурс в историю развития феминистической науки. Феминистки второй волны, имеющие университетское образование и готовые говорить о женской проблематике, столкнулись с тем, что, несмотря на изменение понимания субъекта в философии и науке, разговор о женском все еще не вписывался в академические рамки. Для описания и рефлексии женского опыта нужна была совершенно иная «оптика», позволяющая рассказать о наиболее важных и тревожащих проблемах. Б. Фридан, издав свою «Загадку женственности» [7], создала прецедент экстраполяции опыта небольшой группы и личной рефлексии на опыт поколения и женщин в целом, заработав обвинение в предвзятости и узости взгляда.

Большинство исследований, основанных на феминистической методологии, были или будут еще неоднократно обвинены в этом. Ее формирование сопряжено с двумя функциональными трудностями: статусом и предметом исследования. Женщины на протяжении длительного времени были «меньшинством» в академическом обществе, к которому существовало галантно-покровительственное отношение, в духе «дамы балуются наукой».

Заявка на темы, интересные феминистическому сообществу, натолкнулась на ту же критику, которой такие исследования подвергаются и сегодня в российской науке. Стремление вывести из тени проблемы и переживания материнства, отношение к браку, образованию, внешности, социальным и культурным ограничениям натолкнулось на обвинения в «мелкости и несерьезности» тем. Предметы важные, актуальные и обсуждаемые в публицистике с трудом пробивали себе путь в науку.

Для рассказа о женском опыте как отличном от мужского был необходим новый научный язык. Он сформировался не столько в университетской среде, сколько в публицистике и социально-политических дискуссиях. Статьи и выступления Г. Стайнем сделали для этого не меньше множества исследований и университетских курсов [12].

Ключевой позицией, вокруг которой выстраивалась вся концепция феминистических исследований, было стремление уйти от универсальности мужского опыта в оценке социальных и культурных явлений, показав возможность создания и использования женской модели. Одним из важных текстов, описывающих этот процесс и определяющих реперные точки, стала небольшая статья К. Ханиш «Личное – это политическое», опубликованная в 1970 году. Сформулированная в ней установка – «С женщинами все в порядке, не в порядке то, что с нами делают! Нужно изменить объективные условия, а не приспособливаться к ним» [8, с. 16]. Поднимая в статье проблему роста самосознания женщин и его влияния на общество, К. Ханиш увидела в нем закономерность, к которой по-разному подошли авторы до нее: «...личные проблемы – это политические проблемы. На данный момент для них нет личных решений» [Там же].

Отличительной чертой феминистических исследований становится их открытая политическая ангажированность. Социальные, культурные, юридические нормы были сформированы обществом без участия женщин и учета их потребностей, в результате чего женский голос не слышен. Гендерные исследования всегда ориентированы на актуальную повестку дня, уделяя внимание тем темам, которые вызывают больше всего вопросов.

Феминистическая наука ставит своей целью создание такого дискурса и языка, которые бы позволили выразить женскую позицию и ввести ее в академический оборот, чтобы преодолеть гендерное неравенство

и дискриминацию по половому признаку. С. Хардинг так охарактеризовала эту особенность: «В мире, где научная рациональность приводит к фрагментарному или искаженному пониманию природы и общественных отношений, необходима феминистическая позиция, дабы выявить взаимосвязь между социальной активностью, в которую вовлечены ученые, и теми стереотипами и предубеждениями, которые с ней связаны» [9, с. 229].

Понимая под методологией учение о принципах построения, формах и способах научно-познавательной деятельности, мы, следуя этой логике, остановимся на трех ключевых аспектах: принципах построения, формах и методах исследования. Феминистическая философия изначально исходит из утверждения С. де Бовуар: «...истина заключается в том, что именно правила, придуманные мужчинами, и общество, созданное ими и в их интересах, поставили женщину в такое положение, которое в настоящее время стало причиной мучений и женщин, и мужчин» [1, с. 505].

Методологические принципы феминистической науки можно сформулировать следующим образом: четкое следование формальной процедуре, отказ от достижения абсолютного знания, внимание к субъективному и групповому женскому опыту, изменение позиции субъекта познания. В основе логики развития феминистических исследований лежат принципы индукции и эмпиризма, только описав единичные явления и сравнив их, можно создать реальную теорию. Исследовательский аппарат отличается строгим и четким соблюдением норм и требований всех исследовательских процедур. Любое отклонение стало бы поводом для осуждения и обесценивания результатов. Но при этом не возникает вопрос о необходимости получения объективного, полного, достоверного знания.

Такая постановка вопроса ставит в тупик, так как противоречит традициям европейской науки. Знание, имеющее статус объективного, сформировало представление об универсальном человеке, ориентируясь на мужской опыт, в то время как опыт женский представлялся вторичным, неважным, подчиненным мужскому. Женщинам сложно ответить на вопрос «Кто мы – женщины?» без построения дихотомий «Я – Другой», «женщина – мужчина». За время существования феминизма и женского движения только начался процесс ответа на этот вопрос.

Разговор о существовании «голого разума» – это самообман. В основе любой познавательной деятельности лежит социальный и культурный опыт, формирующий личность человека и влияющий на его исследование. Феминистическая методология исходит из взаимосвязи между социальным опытом исследователя и его научной деятельностью. Фундаментом науки служит социально-политически ангажированное знание, понимающее порядок неравенства и угнетения как норму.

Понять и проанализировать механизмы этих процессов можно только попав в них и получив собственный опыт. Тот, кто смотрит, возвышаясь над проблемой, не видит ее во всей полноте и униженности. Принцип «личное – это политическое» здесь как раз становится отправной точкой для анализа и понимания.

Критическое отношение к известным данным и социальным механизмам – важная часть феминистической исследовательской позиции. Социальная реальность не является объективно существующей и предзаданной. Даже эмпирические данные не могут быть абсолютно достоверными, т.к. на их описание и оценку влияет социальная реальность.

К. Перес приводит такой пример: «Более 100 лет скелет жившего в X в. викинга, известного как “воин из Бирки”, считался мужским, несмотря на то, что тазовые кости указывали на его принадлежность женщине. Он считался мужским, потому что был похоронен в полном боевом снаряжении, а рядом с ним были обнаружены скелеты двух коней, принесенных в жертву при погребении. Содержимое захоронения указывало на то, что его “обитатель” был воином, – а раз воин, значит, мужчина. (Археологи считали многочисленные упоминания о женщинах-воинах в фольклоре викингов не более чем “мифами”.) Аргумент в пользу принадлежности скелета мужчине (наличие в захоронении оружия) перевешивал довод в пользу принадлежности скелета женщине (наличие у “воина” женского таза), но не смог перевесить результаты анализа ДНК, проведенного в 2017 г. и подтвердившего: скелет принадлежал женщине» [5, с. 10].

С. Рейнхарц, говоря о гендерной методологии исследования, обращает внимание на ее диахронный характер: «...она позволяет связывать прошлое с настоящим, индивидуальное поведение с социальной системой» [6, с. 365]. Предмет гендерных исследований требует творческого подхода к выбору методов, проверке достоверности результатов и анализу закономерностей.

На сегодняшний день гендерные исследования не сделали научную революцию, но смогли изменить представления о полевых исследованиях и работе с нарративным материалом. Феминистическая методология одинаково эффективно применяется как для эмпирических, так и для теоретических изысканий.

Вопрос о механизмах угнетения и дискриминации – всегда довольно сложная и противоречивая проблема, изучение которой с помощью количественных методов не давало достоверных результатов. Разговор, ограниченный рамками анкеты, долго не мог привести к удовлетворительному итогу. На протяжении 1970-х – 1990-х годов количественные методы использовались с осторожностью, как нечувствительные к субъективному опыту, легко воспроизводящие властный дискурс. К тому же достоверность количественных данных ставилась феминистками под вопрос в течение очень длительного времени.

При отказе от позитивистской парадигмы объективные, эмпирические, выраженные в цифровом варианте данные уже не рассматриваются как однозначные и достоверные. Их недостоверность проявляется в двух аспектах. Гендерная статистика указывает на недостаток гендерных данных в статистических докладах, а феминистический эмпиризм – на недостаточную представленность женского социального и культурного опыта. Именно опыт становится камнем преткновения. Как было сказано ранее, феминизм отрицает наличие универсального опыта, который может быть распространен на большинство живущих в мире людей.

Опыт зависит от культурной, социальной, политической позиции субъекта. Д. Харауэй обращает внимание на то, что отношения между субъектом и объектом – это отношения власти, где действующий субъект препарирует и деконструирует объект познания [11].

Поэтому возникает вопрос о методиках сбора количественных данных, выборке и корректности задаваемых вопросов. Для того, чтобы можно было собрать такие сведения, необходимо подготовить респондентов путем дискуссии, выявить и описать механизмы дискриминации, обесценивания, «затирания» женского опыта. Это возможно только в условиях общественного обсуждения, сформированного на базе данных, полученных в результате качественных исследований.

Качественные методы изначально были неотъемлемой частью феминистических исследований. В конце 1960-х – начале 1970-х годов большой вклад в формирование проблемного поля гендерных исследований внесли женские группы роста самосознания. Эта активистская практика наравне с группами поддержки позволила довольно быстро собрать и артикулировать такие проблемы, как проговаривание повседневных механизмов дискриминации, когнитивное освобождение, психологическую поддержку женщин. Вне такого женского опыта исследования, проводимые феминистками, не могли бы стать научным и социальным феноменом. Именно из опыта этих групп происходит процесс конструирования социального устройства через рефлексию. Наиболее информативными и востребованными для гендерных исследований социальных процессов стали методы группового и биографического интервью, изучение истории женщин, личная рефлексия автора.

Для гендерных и феминистических исследований получение информации из первых рук принципиально важно, хотя это и стирает границу между наукой и повседневным знанием. Вопрос о статусе индивидуальной и коллективной рефлексии в науке тоже противоречив, так как для рассказа нужна подготовка не только задающего вопросы, но и отвечающего. Но для феминисток она стала важным инструментом создания более детальной и точной картины общества: «Рефлексивность предполагает контроль над процессом производства знания и субъективными влияниями на него» [13, с. 24].

Выше мы говорили, что точное следование процедуре – важный принцип гендерных исследований, но вместе с тем именно гендерный опыт «из первых рук» дал возможность услышать самих женщин и обнаружить не только механизмы угнетения, но и знаковые события, структурирующие жизнь женщин. Полевое исследование и его анализ дают возможность сначала выявить «белые пятна» в социальной картине мира, а потом их заполнить.

Необходимо сказать, что именно феминистическая рефлексия стала отправной точкой развития многих направлений исследований, таких как постколониальные, квир-исследования, исследования телесности и сексуальности. Без методологии «личное – это политическое» был бы невозможен сегодняшний расцвет изучения самоидентификации, понимания взаимосвязи между властными системами и системами контроля за личностью.

Заключение

Таким образом, методология феминистической науки и гендерных исследований представляет собой сложное сочетание исследовательских принципов, сложившихся в результате феминистической рефлексии, институционализации гендерных исследований. Важными ее чертами являются приоритет количественных методов над качественными и абсолютизация нарративного опыта, обобщение которого стало основой для изучения важнейших социальных процессов.

Осознанный и продуманно реализуемый проект по критике существующего порядка, постоянное внимание к недостаткам общества делают феминистическую методологию очень неудобной для использования. Рефлексия, противоречивые, нетипичные предметы исследования, анализ белых пятен, изменение истории и культуры – все это постепенно меняет общество. Каждый разговор о тех, кого сложно услышать, наталкивается на стену привычного и правильного, но от этого не становится менее важным. Может быть, только более болезненным.

Феминистическая методология создает удачную платформу для использования различных вариантов сочетания методов широкого диапазона. Изменения положения женщин, статуса гендерных исследований обеспечивают условия для привлечения внимания к множеству проблем и социальных механизмов, до этого не попадавших в поле науки.

Источники | References

1. Бовуар С. де. Второй пол. М.: Азбука СПб, 2017. 928 с.
2. Латина С. В. К вопросу о проблеме методологии в гендерных исследованиях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 3-5. С. 279-282.
3. Николаева Г. А. Методология исследований гендерных отношений: культурологический аспект // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 6 (73). С. 91-98.
4. Окли Э. Гендер, методология и модусы человеческого знания: проблематика феминизма и парадигматические дискуссии в социальных науках // Введение в гендерные исследования: в 2-х ч. Харьков - СПб.: Харьковский центр гендерных исследований; Алетейя, 2001. Ч. II. Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 336-364.
5. Перес К. Невидимые женщины. Почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных. М.: Альпина Диджитал, 2019. 234 с.

6. Рейнхарц С. Феминистическое мультиметодное исследование // Введение в гендерные исследования: в 2-х ч. Харьков - СПб.: Харьковский центр гендерных исследований; Алетея, 2001. Ч. II. Хрестоматия / под ред. С. В. Жеребкина. С. 364-385.
7. Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс-Литера, 1993. 496 с.
8. Ханиш К. Личное есть политическое // Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. 2013. Вып. 2. Личное как политическое. С. 16-21.
9. Хардинг С. Доказательные стратегии феминизма // Женщины, познание и реальность: исследования по феминистской философии / сост. Э. Гарри, М. Пирсел; пер. О. Дворкиной. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. С. 215-231.
10. Хоткина З. А., Доброхлеб В. Г., Русанова Н. Е. Гендерные проблемы в России и методология их анализа // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 135-149.
11. Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspectives // Feminist Studies. 1998. Vol. 14. Iss. 3. P. 575-599.
12. Steinem G. Outrageous Acts and Everyday Rebellions. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1983. 370 p.
13. Wasserfall R. Reflexivity, Feminism and Difference // Qualitative Sociology. 1993. Vol. 16. Iss. 1. P. 23-41.

Информация об авторах | Author information

Бацанова Софья Владимировна¹, к. филос. н.

¹ Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова

Batsanova Sophia Vladimirovna¹, PhD

¹ Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

¹ bacanova.sv@bstu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.08.2021; опубликовано (published): 30.09.2021.

Ключевые слова (keywords): философия науки; методология исследования; феминизм; гендерные исследования; социальные явления; philosophy of science; research methodology; feminism; gender studies; social phenomena.